

будет препятствовать распространению на Руси католичества как предпосылки для конечного соединения церквей. Иван Грозный решительно воспротивился такой идее. Его беседы с иезуитом нередко перерастали в конфессиональные споры, обнаружившие глубокое знание царем догматов христианской веры и Священного Писания. Грозный обличал непомерную гордыню пап, так что Поссевино приходилось замолкать.¹¹ Кстати, в ходе бесед с царем папский легат выдвинул любопытный проект о создании в Москве иезуитских колледжей, где российские юноши могли бы воспитываться в западном духе как будущая опора внедрения на Руси католичества. По мнению Платона, нечто напоминающее такой план имело место в случае с Григорием Отрепьевым (II, 85).

Притязания папского престола на подчинение православия своему влиянию и установления на Руси католического конфессионального господства достигли своего апогея в начале XVII в. в обстановке разгула самозванчества и последовавшей за ним Смуты. Описанию событий, связанных со Смутой, в частности вопросу о происхождении и личности самозванца, Платон отводит несколько глав, проявляя осведомленность во всех существовавших к тому времени точках зрения на проблему. Отталкиваясь от версии, изложенной в «Истории...» князя Щербатова, он придерживается в то же время собственной, весьма оригинальной, версии относительно личности Лжедмитрия. Согласно гипотезе Платона, первый самозванец не был тем Григорием Отрепьевым, каким его представляли летописцы, но «некто подставной {...} или может быть и самый Гришка Отрепьев, Галицкого мелкого дворянина сын, но давно к тому от злоумышленников подготовленный, расположенный и обработанный...» (II, 167). По мнению Платона, некие люди из поляков, по убиении царевича Димитрия, увезли к себе в Польшу какого-то мальчика, сходного летами с царевичем, и, «взяв его к себе и изучив его в Польше наукам, Латинскому и Польскому языку, и вложив в него мысли, чтоб ему себя называть царевичем Димитрием, и соответственно воспитав, отправили его в Россию, держав до этого у себя лет пять-шесть» (там же). Его пострижение в Чудовом монастыре, его близость к патриарху были частью задуманного плана изучить нравы Кремля, чтобы в подходящий момент объявить себя законным претендентом на русский престол, что он и сделал.

Основаниями в пользу подобной версии для Платона служили полное несоответствие поведения Лжедмитрия русским обычаям, его относительно хорошее знание норм европейского при-

¹¹ Подробности о пребывании Поссевино в Москве и его беседах с Иваном IV Платон мог почерпнуть из опубликованного Н. И. Новиковым в IV части «Древней Российской Вивлиофики» материала «Известие о папине после Антоние Поссевине, в бытность его в России сочиненное».